

ДВОЕ ИЗ ОТРЯДА

Документальная повесть

Лето в Титовке

Поезд остановился в нескольких километрах от Шебекино. И селяне с большими плетёными корзинами, с холщовыми сумками и мешками шумно посыпали из вагона. Роза вслед за ними спрыгнула на насыпь, оглянулась и замерла – залюбовалась густым могучим лесом, обступившим железную дорогу.

Люди быстро уходили по неширокой песчаной дороге, и Роза заспешила вслед за ними – в Титовку, к бабушке.

Пелагея Гавриловна, конечно, обрадовалась приезду полтавской внучки, засуетилась, выставляя на стол всевозможные угощенья, и принялась расспрашивать про городское житьё-бытьё. За оживлённым разговором и не заметили, как подкрался прохладный летний вечер.

А утром наведалась к Пизовым ранняя гостья – Розина ровесница Оля Заика, чей дом стоял через дорогу. И, едва познакомившись, весело предложила:

– А пойдём-ка, Роза, на речку...

Песчаный пятак, затенённый зелёными кустами, – девичий пляж. У мальчишек «место» поодаль, вблизи железнодорожного моста. Оттуда доносятся громкие крики, смех. Внезапно стихло.

– Ой, девочки, смотрите, смотрите! Вон там, на мосту... Неужели и вправду сиганёт? С такой высотищи!..

Взметнулось загорелое тело, гибко выгнулось в воздухе и, пролетев стремительной ласточкой, бесшумно ушло в воду.

– Это Петья Никитченко, он у них за верховода, – пояснила подруге Оля.

А ватага ребят с победными криками устремилась на мост. Но повторить прыжок никто не смог...

В школе Розу приняли в свой круг не сразу, звали поначалу «новенькой», «городской». Но рядом с нею, за одной партой, была надёжная подруга Оля Заика.

Однажды на переменке в класс заглянул рослый загорелый паренёк.

– Петья Никитченко, – шепнула Оля. – Помнишь, он с моста сиганул. Он у нас спорторганизатор...

Петя предложил ребятам записываться в волейбольную команду.

– А нам можно? – тихо спросила Роза.

Мальчишки начали смеяться, а Петя, отчего-то покраснев, сказал:

– Ты что ж, одна?

Рядом с подружкой встала Оля.

– И я тоже...

А на следующее лето началась война – Великая Отечественная...

Старшина медицинской службы
Роза ПИЗОВА. Фото 1946 года

Партизанский отряд

— Роза!

Она оглянулась и не сразу узнала в окликнувшем её парне Петьку Никитченко. Так изменили его эти несколько месяцев. Лицо возмужало, обветрилось, и одет он не в обычное тёмное пальтишко, в котором бегал в школу даже в разгар зимы. Сейчас на нём — шапка-ушанка со звёздочкой. Стёганый ватник и такие же брюки, заправленные в большие кирзачи.

Встреча получилась короткой — Пётр торопился в Шебекино, но успел рассказать о главном: в Титовке создаётся партизанский отряд, командиром назначен его старший брат Егор — паровозный машинист, и он, Пётр, уже стал бойцом...

В первый военный месяц Роза с Олей записались на курсы шофёров, потом прослышали, что в Волчанске готовят медсестёр. Поехали туда. Но им не повезло — не прошли по возрасту. И вот теперь встреча с Петром...

Роза не шла — летела к подруге с неожиданным известием.

Худенькая, с запавшими глазами, Оля чистила на кухне картошку. Её обрадовала новость, но ненадолго.

— Это Петька считает, что нас могут принять в отряд. Погоди, что ещё скажет командир...

Опасения оправдались. Егор Никитченко, с воспалёнными от бессонных ночей глазами, не говорил, почти кричал:

- Только вас и не хватает фашистов пугать!.. Что вы умеете?..
- Они спортсменки, — удалось вставить слово Петру.
- А тебя не спрашивают. Ишь адвокат выискался, — ещё больше рассердился командир. — Выдь погуляй, кликну, когда понадобишься.

В разговор вступил начальник штаба отряда Василий Иванович Косарев:

- А может, всё-таки проверим, на что девчата способны?
- В разведку можно послать, — от порога подал голос Пётр.
- Ты ещё тут?! — но в тоне командира не было прежней строгости. Он уже принял решение. Распорядившись, чтобы девчата хорошенко отдохнули, Никитченко вышел вместе с Косаревым.

Впервые в разведке

Татьяна Фёдоровна Никитченко провела Розу с Олей за большую русскую печь, сняла с гвоздя овчинный тулуп и фуфайку.

- Расстилайте, дивчатко. Тут подсолнухи сушатся — може, их отгорнуть?
- Спасибо, спасибо, нам и так хорошо.

В небольшом доме Никитченко дневали и ночевали чуть ли не все партизаны. Мать Егора и Пети стала матерью отряда — кормила, обстиривала, чинила и штопала одежду.

Подружки изо всех сил старались заснуть — даже считали про себя до тысячи, — сон не шёл. Тихо шуршали на печи семечки.

— Дивчатко, пора! Кличут вас, — Татьяна Фёдоровна сказала это совсем тихо, но Роза с Олей тотчас соскочили с лежанки. Быстро оделись, проглотили, не ощущив вку-

Партизан Пётр НИКИТЧЕНКО

са, картофелины с ломтями хлеба, политого подсолнечным маслом.

До Безлюдовки их проводил Пётр. На опушке бора остановились. Постояли молча. Всё было уже обговорено в штабе отряда.

По тихой, будто вымершей улице села, по шатким лавам через Донец они шли уже одни. Вот и лес, у самой окопицы. Кажется, можно и дух перевести, но нет, и здесь, среди густых зарослей, заставлял настороживаться малейший шорох. Они на земле, занятой врагом. И Розе так захотелось вернуться обратно, к доброй и ласковой Татьяне Фёдоровне. Забраться на печку, где так мирно, по-домашнему шуршат семечки, и молча посидеть, прижавшись к плечу подружки. И ни о чём таком не думать – словно и нет на земле войны, и Красная армия давно прогнала поганых фашистов...

Она взглянула на Олю – лицо подруги посувровело, губы плотно сжаты, глаза смотрят пристально, строго – и устыдились своих мыслей, своей девчоночьей трусости.

Деревья начали редеть – тропа вывела к опушке. Сквозь кусты они увидели на окраине Графовки фигуру в тёмной шинели и узкой каске. Фашист! Часовой! И невольно подались назад. Прошла минута, может, две, прежде чем они двинулись к селу.

Страх удалось пересилить, загнать внутрь, но совсем он не прошёл. Подругам казалось: и ветхая, с чужого плеча одежонка, и котомки с барахлишком – якобы для обмена на картошку – выглядят предательски неестественно. Совсем струхнули они, когда навстречу из-за поворота сельской улицы вывалилась целая ватага немецких солдат.

Роза успела перехватить устремлённые на них весёлые взгляды. Один из солдат крикнул что-то, ватага ответила громким гоготом и, видимо, вполне довольная испугом двух девчонок, прижавшихся к плетню, прошагала мимо. И всё время, пока ходили они, озираясь, по Графовке, запоминая то, что удалось увидеть и услышать, стоял в ушах Розы пьяный гогот врага. Это ощущение прошло лишь тогда, когда они возвратились на свой берег Донца...

«28 декабря 1941 года партизанки Ольга Заика и Роза Пизова участвовали (проводниками в село Архангельское) во взятии языка».

«17 января 1942 года Пизова Роза ходила в разведку в с. Таволжанку. Партизаны, проникая в тыл врага группами и в одиночку, жгут дома, где находятся фашисты и предатели, рвут телефонно-телеграфную связь».

«28 января обрезан кабель между Коровино и Напрасное».

«2–3 февраля. Весь личный состав отряда ходил в засаду за с. Безлюдовка».

Даже в скучных донесениях штаба Титовского партизанского отряда упоминались имена юных разведчиц. Давно уже притупилось у них острое чувство первой вылазки – чувство опасности, подстерегающей на каждом шагу, каждую секунду. Притупилось, но не ушло. Сколько бы подруги ни переходили Донец, сколько бы ни осиливали в себе страх, каждый раз, когда под их ногами оказывалась земля, занятая врагом, миг этот бывал таким же жутковато-зноящим, как и в первый раз. И отчаянно хотелось скорей вернуться на левый берег, к своим.

Вскоре Роза осталась одна: Олю взяли санинструктором в воинскую часть.

Из Шебекино и Волчанска настойчиво требовали свежие данные о состоянии вражеской обороны. И титовские партизаны почти ежедневно пробирались за Донец.

Подвиг разведчицы

...Роза только вернулась с задания и не успела ни отдохнуть, ни согреться, как её вызвали к командиру отряда.

– Розочка, знаю, что устала. Но эта группа армейских разведчиков – из Шебекино. Приказано срочно провести их к коровинскому складу. Послать мне больше некого, – Егор Иосифович пристально глянул ей в глаза.

– Это и будет ваш проводник, – сказал Никитченко старшему группы разведчи-

ков – высокому плечистому сержанту в полушибке. Сержант недовольно проворчал:

– Что ты мне девчонку даёшь?..

И хмурый взгляд сержанта, и тон, которым он говорил, будто подхлестнули Розу. Мигом одевшись, она коротко бросила: «Пошли!» – и, выйдя за Титовку, быстро, словно и не было сегодня многокилометрового перехода, зашагала впереди бойцов...

Склад возле села Коровино не давал покоя партизанам. О том, что фашисты возводят громадный сарай на краю леса, титовцы узнали ещё до того, как он был закончен. Сарай обнесли рядами колючей проволоки и заминировали подступы к нему. Партизаны и тут нашли выход: по тропинке, пробитой в снегу немцами, подобрались ночью к складу. Оказалось, склад охраняют... два чучела, а сам сарай пуст. Так и написали в донесении: склад ложный. Но вот на дороге у Коровино стали появляться тяжелогружёные машины. Не ложному ли складу предназначались их грузы? Две разведки не смогли этого выяснить...

Прерывисто дыша, Роза показала сержанту границу минного заграждения и объяснила, что ближе к складу сейчас не подойти. А он, по-прежнему хмурый, резко оборвал:

– Нельзя, нельзя... Ну-ка, – и, почти оттолкнув её, решительно шагнул в снег. За сержантом двинулись бойцы. Роза отчаянно сорвалась с места, молча – кричать было нельзя – мимо бойцов кинулась за сержантом.

Ярко-жёлтая вспышка. Другая. От пронзительно-острой боли она потеряла сознание.

А склад молчал, он всё ещё был пуст.

Разведгруппа возвращалась почти бегом. На самодельных носилках – труп сержанта и истекающая кровью Роза...

Возвратившись из Шебекино, куда его посыпали со срочным донесением, Пётр чуть ли не с порога спросил брата:

– А что, Роза ещё не вернулась с задания?

– Вернулась. И снова пришлось вести армейскую разведку к коровинскому складу.

– Давно ушли?

– Да пора бы уже и вернуться...

Пётр молча метнулся на улицу. Торопливо зашагал к лесу. И уже на подходе к нему повстречал разведчиков. Увидел грубые самодельные носилки и молча, ничего не спрашивая, сменил одного из державших толстую сосновую ветку...

Крыльцо дома, в котором делали перевязку юной разведчице, окружили партизаны. На большой скорости подъехала машина. И Розу – она так и не пришла в сознание – увезли к санитарному поезду, который стоял на железнодорожных путях у Шебекино.

На следующий день госпиталь на колёсах отбыл из прифронтовой зоны в тыл. Но Пётр успел проводить его и ему даже удалось расспросить санитарок о Розе. В вагон его, конечно, не пустили.

Прошло несколько дней.

Над Шебекино, над Титовкой пролетел краснозвёздный самолёт, разбрасывая листовки.

Пётр поднял белый листок, пробежал глазами по строчкам: «...при выполнении боевого задания героически погибла отважная партизанка-разведчица Роза Пизова...»

С той минуты светлое, радостное покинуло Петра. Его переполняла, жгла яростная ненависть к врагу. И он покинул отряд, добровольцем ушёл с одной из воинских частей.

Летом грянула Курская битва. В доме Никитченко с тревогой ждали фронтового письма-треугольника, а пришла похоронка: «Извещение. Ваш красноармеец Никитченко Пётр Иосифович, уроженец с. Титовка, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 19 июля 1943 года. Похоронен в д. Карабетское Орловской области».

Минуло двадцать лет

Тихое-тихое росное утро.

Высокая белокурая женщина остановилась на опушке бора – то ли Титовку разглядывает, то ли вслушивается в далёкий сигнал маневрового паровоза. Потом медленно идёт сельской улицей. Дом, перед которым она остановилась, почти не виден – одна крыша над буйным цветением белой акации. Кажется, то не акация, а чистейшие кружева нежной благоухающей белизной заполнили палисадник.

На крыльце вышел хозяин в поношенном железнодорожном кителе. Удивление на его лице сменила радость, дрогнул от волнения голос:

– Роза?! Жива!.. Да как же, ведь листовка... о тебе была...

– Слышала я уже, Егор Иосифович, в Шебекино про ту листовку о моей «героической гибели», – женщина улыбнулась. – Да ведь сам знаешь, на войне и не такое бывало. С того света вернули меня в санитарном поезде. Потом ёщё на фронте ранение было, а до Берлина всё-таки дошагала старшиной медицинской службы...

– Да что ж это я, проходи в хату...

Никитченко, всё ёщё взволнованно суетясь, усадил Пизову за стол, кликнул жену.

Взгляд гости скользнул по стенам, задержался на портрете в рамке. Портрет был сделан давно, видимо, заезжим шабашником – черты лица грубо скопированы с фотографии. Но она сразу узнала и этот буйный чуб, и крутой чистый лоб, и эти светлые глаза.

– Петя...

– Он, – глухо отозвался Никитченко, – Петро... Тебя уже не было. В сорок третьем, когда наши пошли наступать, почти весь отряд влился в регулярную армию. А Петро ушёл самым первым. Мать всё письма ждала от него. А пришло вот это...

Егор Иосифович грузно поднялся, выдвинул верхний ящик комода, достал желтоватую бумажку и протянул её гостью.

«Извещение. Ваш красноармеец Никитченко Пётр...»

Роза Сергеевна первой нарушила молчание:

– Ну а как ты, партизанский батько?

– Работаю машинистом на станции Нежеголь. Скоро на пенсию. Дом вот государство построило – тот ведь подожгло снарядом... А ты в Харькове?

– Да, на заводе самоходных шасси – инструктором по физвоспитанию. И дочки мои тянутся к спорту...

И снова разговор вернулся к партизанским годам. Вспомнили боевых товарищей: и погибших, и живых.

Уже вечерело, когда Роза Сергеевна и Егор Иосифович вышли за окопицу. Остановились, обернулись и постояли, словно тишину слушая. По сизой луговой низине, привидливо изгинаясь, растянулись заросли ракит, надёжно укрыли быструю Нежеголь. Над пышным ракитником, над тёмной стеной сосен – железнная арка нового моста.

– Петро любил это место, мост...

Женщина помолчала и тихо отозвалась:

– Моей Наталке сейчас столько, сколько ему было в сорок первом. А она совсем ещё девчонка...

Командир титовского отряда
Егор Иосифович НИКИТЧЕНКО
(слева) с братом Петром.
Фото 1943 года